

ПОЛЬ РЕНЬЯР

ЭПИДЕМИЯ БЕЗУМИЯ

КЛАССИКА
СОЦИАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Поль Реньяр
Эпидемии безумия. Классика
социальной психологии
Серия «Документальный триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67426341

Эпидемии безумия. Классика социальной психологии: Родина; М.; 2022

ISBN 978-5-00180-390-4

Аннотация

В книгу вошло главное сочинение известного французского физиолога П. Реньяра, в котором подробно анализируются различные формы умственных эпидемий, имевших место с XV по XIX век. Автор описывает исследуемые явления и доказывает существование связи между исторической эпохой и формой, которую принимает та или иная эпидемия – колдовство, морфинизм или мания величия.

Для психологов, философов, культурологов, религиоведов и всех интересующихся проблемами общественной психологии.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
XV, XVI и XVII века. Демонизм или колдовство	10
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Поль Реньяр
Эпидемии безумия.
Классика социальной
ПСИХОЛОГИИ

© Реньяр П., 2022

© Зауэр Эл., пер. с франц.

© ООО «Издательство Родина», 2022

Предисловие

Из всех атрибутов нашего духа мы, разумеется, больше всего гордимся своей свободой.

По мнению философов, человеку присуща свобода воли – он действует по собственному произволу; и из нравственной независимости людей вытекает их ответственность за совершаемые поступки. На этом основном принципе базируются все учения о наградах и наказаниях. Не следует, однако, полагать, что этот принцип является общепризнанным: теория свободы воли встретила отпор со стороны философской школы, пытавшейся доказать, что мы не свободны и что наша независимость может полностью проявиться лишь в весьма редких и исключительных случаях. Разве мы не подчиняемся физическим законам? Разве любое наше уклонение от их требований не влечет за собой и соответствующего наказания? Напротив, это – бесспорный факт, хотя он и выходит за рамки нашего предмета.

Физиологи обращают внимание представителей чисто психологической школы на то, как часто свобода воли встречается на своем пути препятствия. Если в течение одной только минуты кровь или кислород перестанут поступать к мозгу, разве этого будет недостаточно, чтобы все наше нравственное существо, т. е. сознание, ум, воля, рассудок и чувствительность моментально исчезли? Капля алкоголя или

эфира достигает наших нервных центров – и этого достаточно для временного ослабления нашей рассудочной деятельности, для направления нашего ума в сферу диких идей, бессмысленных слов и совершения действий, в которых мы распадаемся, когда пройдет временное действие яда.

Все эти замечания, направленные против абсолютной нравственной свободы человека, несомненно, справедливы; но лица, их высказывающие, несколько завышают их значение. В действительности они относятся к патологическому состоянию, в которое впадает человек после того, как его интеллект перестает нормально функционировать. Разве можно утверждать, что люди вообще не обладают нравственной свободой, лишь на том основании, что ее утратили отдельные лица? Это все равно что утверждать, будто человек вообще лишен зрения и слуха, потому что иногда встречаются слепые и глухие.

Понятно, что таких грубых аргументов недостаточно, чтобы поколебать учение об абсолютной свободе воли.

(Здесь было бы неуместно заниматься богословием, но, как известно читателю, сама церковь ограничивает нашу нравственную свободу, утверждая, что мы не в состоянии побеждать греховные соблазны собственными силами и достигаем этого только при помощи божественной благодати. Знаменитые богословские споры, посвященные этому вопросу, заняли собой весь конец XVII века.)

Даже в наших чисто психических проявлениях мы не бы-

ваем совершенно свободны, поскольку существует своего рода социальный миметизм, увлекающий нас. Ребенок воспитывается с помощью примера, он подражает родителям. В обществе люди подражают друг другу; и все эти условия подражания в совокупности составляют то, что принято называть умением себя вести. Сначала это делается сознательно, а впоследствии становится инстинктивным. Подражание может быть неудержимым, заразительным, внезапным и иногда даже опасным. Возьмите людей благоразумных, вполне владеющих собой, и соберите их вместе – при этом нельзя поручиться, что вследствие увлечения они не совершат действий и не примут решений, в которых каждый из них будет раскаиваться, оставшись наедине с самим собой. Опуститесь ступенью ниже, наберите первых попавшихся людей и образуйте из них толпу, и тогда вы увидите, до каких излишеств они будут в состоянии дойти. Эта склонность к подражанию была уже давно подмечена законодателями всех времен; вот почему везде существуют законы, направленные против массовых собраний.

В области идей, более возвышенных, именно влиянием подражания следует объяснять принятие внезапных решений, которые вовлекают в войну, революцию или возмущение целые нации, в то самое время, когда в них самих, по-видимому, царят полнейший мир и покой. История кишит подобными внезапными пробуждениями, вызванными небольшой группой решительных людей, увлекающих массу своим

примером.

Наряду с подражанием добру встречается и подражание злу. В истории бывают моменты, когда целой нацией словно овладевает недуг и она утрачивает свободу воли. Эта сильно свирепствующая эпидемия затем потихоньку утихает и сменяется периодом спокойствия, который может продлиться более или менее продолжительное время. Существует и сумасшествие по подражанию. Наряду с физическими эпидемиями бывают эпидемии умственные. Сущность их всегда одна и та же, обстоятельства влияют лишь на формы эпидемий, которые обусловлены средой, первоначальным импульсом и окружающими условиями. Средневековые эпидемические сумасшествия основываются на том же принципе, что и наши, но, тем не менее, не похожи на них.

Я был занят изучением этих социальных недугов, когда почтенный декан парижского Faculte de Sciences, г-н Мильн-Эдвардс, предложил мне изложить перед Французской Научной Ассоциацией новейшие открытия в области нервной патологии.

Мой труд, разумеется, не может претендовать на полноту. Чтобы соответствовать последнему требованию, он должен был бы охватывать историю всех народов. Я выбрал для своих публичных лекций те умственные эпидемии, которые являются особенно характерными для каждой данной эпохи, и пренебрег некоторыми из них (например, алкоголизмом), потому что они слишком известны.

В моей работе мне очень помогли мои знаменитые коллеги. Профессору Шарко было угодно, во время моего пребывания в Сальпетриере, допустить меня до участия в его ежедневных работах; господа Жюль Луи, Мэнэ, Маньян, Бруардель и мои друзья Бурнилль и Шарль Рише сообщили мне свои личные наблюдения и материалы. Выражаю им за это мою искреннюю благодарность.

Публика большого амфитеатра Сорбонны удостоила мои лекции благоприятного приема. Не знаю, какая судьба ожидает книгу, в которой они собраны, но я был бы счастлив, если бы она смогла несколько расширить кругозор читателя на одну из интереснейших сторон человеческой жизни.

Сентябрь, 1886 год

XV, XVI и XVII века.

Демонизм или колдовство

В 20-й главе книги Левит есть фраза, неудачное толкование которой имело не менее пагубные последствия для человечества, чем самые смертоносные огнестрельные изобретения и самые ужасные войны:

«Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них».

Вот где следует искать начало великих преследований, мрачное изображение которых мне предстоит нарисовать перед читателем. Не знаю, какое впечатление произведет на него эта картина, но что касается меня лично, то мне кажется, что нет предмета печальнее того, изучению которого я посвятил себя и результаты которого намерен изложить в этой книге.

Эпохой процветания колдовства были Средние века и период Возрождения, и к этому же времени относится наибольшее количество ее жертв.

По-видимому, XV и XVI века особенно страдали этим ужасным недугом. В древности тоже верили в колдунов, но тогда в них видели существ, вдохновленных самими богами. Из боязни перед ними их окружали почетом и никогда бы не

решились навредить им: в греческой и римской мифологии бог ада не находится во вражде с властителем Олимпа, он – его брат и союзник, и в случае надобности исполняет его приказания, поэтому и колдун – не воин враждебного стана, а вдохновляется одновременно обоими повелителями, потому и пользуется почетом.

В Средние века религиозные представления приняли иное направление: два почти равных существа оспаривают друг у друга власть. У Бога есть личный враг, которого Он мог бы уничтожить, но которого Он, тем не менее, сохраняет: Божество, по своей неизреченной справедливости, позволяет ему терзать человечество с тем, чтобы люди, противодействуя злему началу, укреплялись в добродетели. Это – первородный грех, стремящийся привлечь к себе души и вырвать их у Искупителя. Он борется, он противится своему владыке и уступает ему лишь в последней крайности. Древность создала Ормузда и Аримана. Средние века, увлеченные манихейством, хотя и не сознавая в этом, противопоставили Богу и его избранным Сатану с его несметными легионами.

Между двумя враждебными началами разгорается война. Они стремятся уравновесить свои силы: у Всемогущего есть ангелы и небесные полки, а у Сатаны – бесчисленные полчища демонов, имя которым легион. Рати его многочисленны. Кадры их образуются военачальниками, имена которых дошли до нас: Вельзевул, Асмодей, Магог, Дагон, Магог, Аста-

рот, Азазель и Габорим. Это нечто вроде командиров когорт, у которых есть свои ассистенты, а за ними уже тянется громадная толпа демонов, борющихся с ангелами в рукопашную. У всякой души, наряду с охраняющим ее ангелом, есть и демон, внушающий зло. Ей предстоит сделать выбор между ними.

Обе стороны используют аналогичные приемы, вследствие справедливой терпимости Бога, предоставляющего своему врагу равенство оружия. Бог воплотил себя во Христе для спасения рода человеческого, а завистливый Сатана входит в наиболее слабые существа, овладевая ими при помощи их уст. Он уничтожает, их индивидуальность: таким образом, они становятся *одержимыми*. Во время припадков бешенства он даже вторгается в тела самых отвратительных животных, и только одна смерть может выгнать его оттуда, если не удалось изгнать его заклинаниями во имя неба.

Не трудно теперь представить себе ужас, внушаемый подобными верованиями: любой человек может опасаться, что не сегодня-завтра его небесный заступник будет побежден и что сам он, беззащитный, попадет во власть злого духа. От подобных опасений до сумасшествия всего один только шаг.

Но *одержимость*, или *вселение беса* — не единственное оружие Сатаны. Он, главным образом, является в роли соблазителя. Власть, предоставленная ему небом, делает его способным оборачиваться в разных лиц и принимать любую личину. Он вдруг появляется перед бедной женщиной, уми-

рающей от нищеты и голода: его руки полны золота, он обещает оставить ей все это богатство, но при одном условии – чтобы она предалась ему в договоре, начертанном и подписанном кровью. Злой демон бродит всюду: мы его встречаем в замках, хижинах и лесах, везде какой-нибудь его приспешник готов немедленно приняться за соращение злосчастного, покинутого Богом хотя бы на минуту. Можно, следовательно, свободно отдаться злему духу и в таком случае превратиться в колдуна. Человек становится служителем Сатаны в этом мире, прежде чем сделаться его рабом на том свете.

У Бога есть священнослужители и верные последователи на земле. Каждое воскресенье Он собирает их в своем храме. Сатана тоже имеет своих слуг и преданных ему людей. Он установил для своих целей как бы особый приемный день и собирает их ночью в каком-нибудь уединенном месте. Это и есть шабаш.

По представлениям средневековых богословов, колдун – это человек, дезертировавший из армии добра и перебежавший в стан Сатаны. Он – его раб на земле, который слепо ему повинуетя и совершает, по его требованию, все преступления против избранников Божьих. Колдун есть, следовательно, злейший враг всего человечества, изменник, скрывающийся в армии добра, втайне наносящий болезни и отравы по приказанию своего повелителя. Его преступление превосходит все существующие. Он ужаснее всех вследствие при-

сущей ему таинственности. Колдун не заслуживает пощады. Вот когда вновь выходят на сцену грозные слова из книги Левит: «если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти»!

Этот воин Сатаны, этот слугитель зла, каким образом достигает он своих целей? Мы узнаем это из тщательного разбора процессов и допросов колдуний. Я очень внимательно просмотрел большую часть относящихся сюда юридических документов и признаюсь, что они производят весьма тяжелое впечатление. В них бессмысленное примешивается к ужасному, вульгарное встречается наряду с возвышенным, мужество обвиняемых поражает, а тупость судей коробит душу: чувствуешь, что вращаешься среди безумцев, но затрудняешься сказать, кто же из них сильнее помрачен – несчастные ли, обвиняющие себя, или судьи, их приговаривающие. Чтение таких процессов одновременно и грустно, и смешно. Одно из светил французской медицины определило его следующим образом: «это чтение подвергает читателя пытке щекотанием – смех примешивается к страданию».

Мишле где-то говорит, что колдунии были порождением отчаяния. Источником этой формы сумасшествия действительно была бедность, страдания или горе, подобно тому, как и ныне указанные нами факторы часто вызывают меланхолический или горделивый бред. Форма помешательства была иная, вследствие различия в нравах эпохи, но результат был одинаков. В один прекрасный вечер к женщине, подвер-

женной конвульсивным припадкам, являлся изящный и грациозный кавалер. Он нередко входил через открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, словно вырастая из-под земли. Соблазнитель почти никогда не выглядел отталкивающе.

Посмотрим, как описывают его колдуньи на суде: он одет в белое платье, а на голове у него черная бархатная шапочка с красным пером или же на нем роскошный кафтан, осыпанный драгоценными камнями, вроде тех, что носят вельможи. Незнакомец является или по собственной инициативе, или на зов, или же на заклинание своей будущей жертвы. Он предлагает ведьме обогатить ее и сделать могущественной, показывает ей свою шляпу, полную денег, но, чтобы удостоиться всех этих благ, ей придется отречься от крещения, от Бога и отдаться Сатане душой и телом.

Не трудно догадаться, что мы имеем здесь дело с формой ясно выраженной галлюцинации. Женщина, которую гложет какое-нибудь горе, вдруг видит перед собой образ, похожий на видения, описания которых ей так часто приходилось слышать с самого детства. Это существо, внушающее страх, есть Сатана. Он предлагает все блага с тем, чтобы отдались ему... Прочь колебания! Современные галлюцины поступают точно так же, но только в их видениях фигурируют принцы и государи, подносящие им отличия и префектуры. Сатана прибегает к маскировке только при первом появлении, затем он не скрывает больше своей личности и совершенно ясно объявляет, кто он такой, и на первый предло-

женный ему вопрос отвечает перечислением всех своих достоинств. Дьявол высшей категории появляется таким образом весьма редко. Обыкновенно же это бывает простой рядовой из полчищ Сатаны, призывающий на подмогу одного из своих начальников только в том случае, если первая попытка окажется неудачной. По-видимому, в аду царит принцип разделения труда, равно как и очень строгая иерархия, так как самый благоразумный из известных нам демонологов, Жан Вейер, насчитывает в Сатанинской армии 62 герцога, маркиза и графа и 7 405 928 чертенят.

Стремясь к обращению новой жертвы, дьявол использует любые средства (обратите внимание на оборот, принимаемый галлюцинацией), он нередко даже говорит о Боге, и притом только хорошее. Однажды близ Дуэ ему повстречалась Луиза Марешаль, шедшая на богомолье для упокоения души своего мужа. Он советует ей усердно молиться Богу и надеяться. Затем он вручает ей маленький раскрашенный шарик, обладающий свойством обрекать на гибель все, к чему он прикоснется. Луиза Марешаль, уличенная в пользовании этим шариком в своей семье, была сожжена живой в Валансьене.

Магические знаки, встречающиеся в договорах с сатаной

В другой раз демон появляется в Сен-де-Дюке. Он советует женщине идти на богомолье в Сен-Гилен и заказать там заупокойную обедню для своего мужа. Этот факт нелогичен, но зато весьма ценен для медиков, так как и у нынешних галлюцинаток мы констатировали такую же особенность. Достаточно непродолжительное время прослужить в лечебнице для душевнобольных, чтобы увидеть там принцесс, объявляющих, что они будут принимать свой двор после того, как уберут посуду.

Не стоит думать, что демон обращался исключительно к престарелым субъектам, напротив, он любил детей. В больших умственных эпидемиях они, как правило, заражаются первыми. Катерина Полюс была ведьмой в 8 лет. Она происходила из семьи, в которой все страдали сумасшествием, и

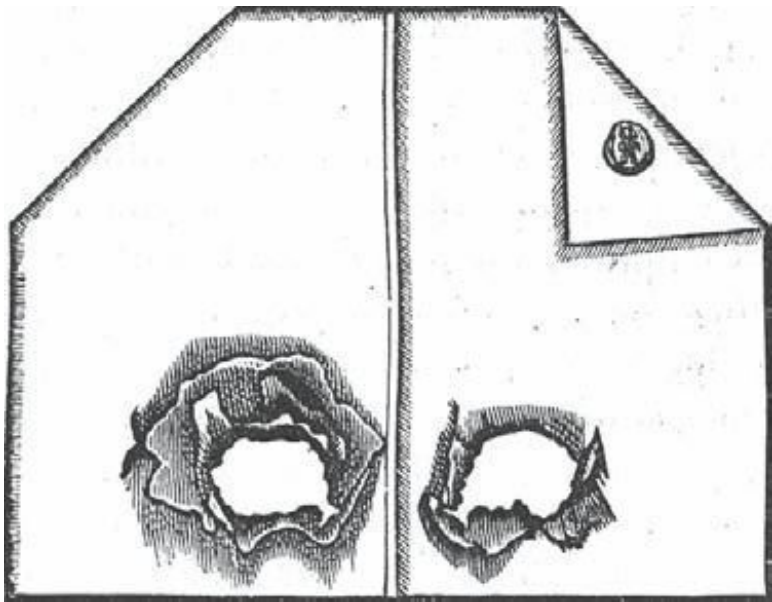
объяснила, что была посвящена дьяволу. Мария Девин стала колдуньей в 13 лет.

Но возвратимся к посвящению в ведьмы. Демон, сделав известные предложения ведьме, называл ей свое имя. Характерно при этом то, что он никогда не носил библейских имен, столь излюбленных демонологами. В своих галлюцинациях крестьянка давала ему мужицкое имя: Жоли, Робен и т. д. В свою очередь, из зависти к небу, демон крестил ведьму, не заботясь о том, именем ли святой он ее крестит или нет. Затем он налагал на нее знак, получивший впоследствии большую важность – он прикасался к ее руке, лбу, месту за ухом, и с этого момента все эти точки становились на веки нечувствительными, так что можно было их колоть, не вызывая ни боли, ни крови. Именно оно породило представление о *печати сатаны*. Мы увидим, какие результаты были извлечены из этого обстоятельства во время процессов ведьм.

Демон часто навещал вновь обращенную жертву, утешал ее и в заключение вручал ей документы, которые свидетельствовали о ее формальном приеме в царство преисподней. Это и был договор, на котором каждый вновь приобщенный ставил свою подпись. Обыкновенно его писали собственной кровью, а демон прикладывал к нему свой коготь. Я отыскал в богословском трактате, напечатанном в 1625 году Жильбером де Восом, факсимиле таких подписей, оставленных духами. На этом рисунке видно, что все места, которых касались пальцы демона, покрыты ржавчиной и выжжены; на

другом рисунке виден след, оставленный духом на договоре. Далее я приведу письмо демона, сохранившееся в Национальной библиотеке и испещренное орфографическими ошибками.

Не следует, впрочем, предполагать, что демон в точности исполнял свои обещания. Ненадежность его слов обнаружилась весьма быстро, потому что сразу же после его ухода ведьма замечала, что вместо полученных золота и драгоценностей, у нее осталась всего лишь охапка сухих листьев или несколько кусочков дерева. Современным душевнобольным тоже не чужды подобные неприятные разочарования, когда, по прошествии галлюцинации, они убеждаются в том, что их скипетры, шпаги и драгоценности на самом деле самые обыкновенные, некрасивые, ничего не стоящие предметы.

Следы, оставленные демоном на договоре

Я уже говорил, что для Сатаны все средства хороши и любые мистификации возможны. Если демон решил прельстить какого-нибудь великого святого или высокочтимого отшельника, то он найдет на него легион чертовок чудесной красоты, так как в аду, по-видимому, есть и женщины. Это его излюбленный прием, который он часто с успехом применяет. Однако случается, что и ему наносят урон: вспомните по этому поводу св. Антония. Нередко, для более успешной мистификации, волк облачается в личину пастыря, а злой

дух — в маску отшельника. На одной старинной гравюре злой дух изображен в образе монаха. В таком виде он забрался в монастырь Сен-Лефроя, но его узнали по его куриным лапам и жестоко наказали.

В заключение скажем, что колдовство, или, точнее, демонопатия, подобно всем формам помешательства, начинается рядом галлюцинаций. На первый взгляд сходство галлюцинаций у всех колдуний может показаться поразительным. В этом, однако, нет ничего странного, поскольку на форму помешательства решающее влияние оказывает действительность: в прежние времена безумцам являлись видения демонов и духов, а современных душевнобольных, находящихся в лечебницах, нередко преследует физика и мерещатся индукционные катушки и электромагниты. Я помню одну большую учительницу, находившуюся в Сальпетриере, которая до такой степени бредила статическим электричеством, что ходила целыми днями и даже спала с фарфоровой чашкой для умывания на голове, объясняя это плохой электропроводимостью фарфора. Процесс помешательства всегда одинаков, а господствующие идеи изменяют только его внешние проявления.

Но возвратимся к нашей колдунье и посмотрим, во что превратилась ее жизнь с того момента, как она отдалась Сатане. Прежде всего, она обязана была ему повиноваться, так как входила в состав армии зла. Сатана имел право рассчитывать на ее службу и содействие. Она могла сглазить и со-

вершала злокозненные поступки, вместе с тем она подвергалась конвульсивным припадкам, на которых нам необходимо остановиться отдельно. Лишь после внимательного чтения процессов ведьм можно составить отчет о преступлениях, которые им ставились в вину. Воден, Богэ, де-Ланкр, Николай Реми, представители судебного мира, которым в разное время поручалось произвести дознания в процессах ведьм, постарались оставить нам их подробное описание. Всего было 15 преступлений, в которых их уличали: из них 10 – против Бога и 5 – против людей. Прежде всего, колдуньи отрекаются от Бога, предают Его поруганию, поклоняются дьяволу, заключают с ним договор, посвящают своих детей Сатане, умерщвляют их до крещения, занимаются пропагандой, призывают дьявола и, наконец, не признают законов природы. В преступлениях против людей пункты обвинения отличались большей точностью. Они касались не преступлений против веры, а лишь нарушений общего права, которые отличались от обыкновенных преступлений только необычностью средств, пущенных в дело, и способом их приобретения.

С первого же свидания дьявол дарит ведьме волшебные порошки. Стоит только подмешать ничтожное количество этого порошка к пище какого-нибудь человека, чтобы он тотчас погиб или же умер медленной смертью от истощения. Иногда ведьме достаточно было бросить всего щепотку магического порошка на прохожего, чтобы тот моментально

умер. Иногда же, для придания средству действенности, ей надо было произнести несколько магических слов. У Бодена и Вейера сохранились эти страшные слова, и если вы не боитесь их магического действия, то я дерзну начертать их здесь: «Joth, aglanabarothe el abiel ena thiel amasi sidomel gayes folonia elias ischiroso athanatos ymas eli messias».

Порошок изготовляли из трупов новорожденных, главным образом из их сердец. Кроме этого, его еще делали из смеси толченых костей мертвецов с пеной жаб. Вот почему колдуний нередко обвиняли в том, что они воспитывали этих животных и пасли их, что не совсем ясно. Помимо порошков, были еще мази, но они употреблялись редко, так как для обращения с ними требовалось много умения. В их состав входил жир мертвецов и мандрагора, эти снадобья фигурируют и на шабашах. Нельзя не отметить того странного обстоятельства, что все подобные порошки были совершенно безвредны в руках обыкновенных людей, а для проявления их действия было необходимо, чтобы они исходили от ведьмы. Это служило лучшим доказательством их магического свойства, и сама безвредность этих препаратов превращалась в подавляющий аргумент против ведьмы: такова была логика судей.

Когда ведьма рассеивала свои порошки по жатве, то всходы начинали чахнуть, поля покрывались сусликами, червями, жабами и громадными змеями. Иногда было достаточно посыпать этим порошком или произнести несколько ма-

гических слов, чтобы перенести плодородие с поля одного крестьянина на поле соседа. Ведьмы имели также власть насылать проливные дожди и град. Для этого им стоило только ударить по луже палкой. Если человек чувствовал, что стал жертвой козней колдуньи, и желал уклониться от них, то он прибегал к привычным в такого рода случаях средствам. Они были разнообразны. Можно было, например, прибегнуть к заклинаниям – есть такие магические слова, которые обладают свойством изгонять дьявола – ими наполнен толстый том в 400 страниц. Но большое число вспомогательных средств прямо указывает на их слабость, поскольку, если бы существовало какое-нибудь достаточно действенное средство, то оно одно бы и сохранилось. Иезуиты, капуцины и доминиканцы специально занимались заклинаниями.

Вообще, удобнее всего было вступать в *компромисс с дьяволом*. Первый факт, который необходимо было установить потерпевшему, – личность колдуна или колдуньи. Ничего не могло быть проще: с этой целью нужно было кипятить в новом глиняном горшке иголки вместе с дубовыми щепками. Первый, кто после этого явится в дом, и есть колдунья, и тогда можно без всяких колебаний донести на нее в суд. Отсюда видно, как опасно было в те времена посещать своих друзей.

Когда колдун разыскан, необходимо было молить его об избавлении. Тогда он вызывал Сатану и погружал фунтовый хлеб в освященную воду. На этом дело и заканчивалось. Слу-

житель Сатаны, употребляющий святую воду, какая в этом звучит ирония!

Начало припадка у колдуньи

Если колдунья постоянно наносила ущерб окружающим, то из этого не следует заключать, что ее собственная жизнь была непрерывным празднеством. Мы уже видели, как дьявол обманывал ее, превращая подаренные ей драгоценности в негодные предметы. Хуже того, при малейшей попытке неповиновения с ее стороны, демон бил и терзал свою жертву, вселялся в нее и делал ее одержимой, как говорили в те времена. Он выступал от ее имени и ее устами изрекал кощунства, направленные против самого Бога. Тогда происходил целый ряд явлений, представляющих большой интерес в медицинском отношении. Обращаю на них внимание читателя, так как мы с ними встретимся вновь при изучении одной болезни, хорошо известной в наши дни. Знакомство с ними позволит нам объяснить реальный элемент в колдовстве. Борьба обыкновенно принимала этот характер в присутствии заклинателя, и дьявол, чтобы не упустить своей жертвы, вселялся в нее. Иногда он скручивал одержимую и повергал ее в страшные конвульсии: на это зрелище собиралась толпа соседей, и не трудно было предвидеть, что несчастной угрожала близость уголовного процесса.

Конец припадка – рвота

Описание таких припадков у колдуний завело бы нас слишком далеко. А потому я заимствую из трактата о демонизме, напечатанного в 1659 году в Амстердаме Абрамом Палингом, несколько гравюр, которые познакомят читателя с их различными моментами. Например, во время обеда колдунья вдруг падала на пол со страшным криком. Она билась в судорогах, ее лицо утрачивало человеческий облик, и сам дьявол сводил ее черты. Посмотрите, какой испуг написан

на лицах всех приглашенных. Все ее тело вздрагивало, она оглашала воздух воплями, изо рта у нее шла пена. Наконец, дьявол покидал ее, причем его выход из тела бесноватой сопровождался страшными приступами рвоты.

Бесноватая хочет выброситься в окно

Вот еще одна гравюра того же автора, на которой колдунья представлена в таком же состоянии, с той лишь разницей, что припадок совершается иначе, и присутствующим стоит ужасных усилий удержать несчастную, которая пытается вы-

броситься в окно. Затем у этого же автора мы находим колдунью, которая падает на пол во время семейного совещания. Обратите внимание на то, как у нее отведены назад кисти рук. Это – характерный признак, к которому я вскоре возвращусь.

Сведение рук во время припадка

Особенно часто подобные припадки беснования случались во время проповедей и церковных обрядов. Привожу еще одну гравюру, заимствованную у Палинга, на которой изображен припадок, начавшийся в самой церкви, в то самое время как проповедник трактует о власти демона.

Внимательно ознакомившись с описаниями припадков, можно сделать вывод о том, что сведение членов у бесноватых могло достигать необычайной степени. Посмотрите на эту старинную картинку на ней изображен несчастный, стоящий на голове вверх ногами, который вызывает изумление у всех присутствующих. Других сводило в виде дуги: они опирались лишь на затылок и на пятки, затем ими овладевали конвульсии, во время которых их подбрасывало вверх. Завершался припадок бредом и рвотой.

Перехожу к очень важному явлению в колдовстве, а именно к ряду вызванных (provocues) галлюцинации, подавших повод к появлению представлений о шабашах ведьм. Из зависти к Богу дьявол задумал, подобно ему, раз в неделю собирать своих приверженцев. С этой целью он учредил шабаш, на котором в искаженном виде совершаются все церковные обряды.

Существует два главных шабаша – малый и большой. Вся разница между ними заключается лишь в том, что на большой шабаш собираются колдуньи всего округа. Это сборище

обычно происходит ночью в пустынной местности, заросшей вереском, на покинутом кладбище, вокруг виселицы, развалин замка или монастыря. Чтобы попасть туда, ведьмы пользуются весьма простым средством – дьявол вручил колдунье специальную мазь, приготовленную из печени детей, умерших некрещеными. Колдунье достаточно намазать себе тело этой мазью, произнести магические слова и сесть верхом на помело, чтобы тотчас же полететь по воздуху. По общему мнению, в состав этих мазей входил сок паслена, мандрагоры и белладонны, обладающих свойством вызывать продолжительные и связанные галлюцинации.

Взгляните на гравюру XVIII века – на ней изображена колдунья, намазывающая тело, в то время как другая уже вылетает из трубы верхом на палке. Иногда колдунья просто призывала своего демона, тот сажал ее себе на плечи и летел с ней. Нечто подобное изображено на гравюре заимствованной нами из «Богословского Трактата», написанного в XVI веке преподобным отцом Гуачиусом.

Припадок во время проповеди о власти демона

Во время пути колдуньи защищали себя от дождя какими-нибудь магическими словами. Посетители шабаша подвергались предварительному осмотру, они должны были доказать, что носят на теле печать Сатаны. Затем, оказавшись на шабаше, надлежало совершить поклонение Сатане, как председателю собрания. Он сидел на троне, не переряженный и не переодетый, причем голова и ноги у него были козлиные (старинное предание о божестве Пана). Кроме того, его украшал громадный хвост и крылья, как у летучей мыши.

Впрочем, иногда он принимал и другой облик (ведь галлюцинации у всех колдуний не могли совпадать), и тогда он являлся в виде осла, большого кипариса, черного кота и т. д.

Колдунья

На шабаше все происходило наизнанку. Сатане отвешивали низкие поклоны, но только повернувшись к нему спиной, затем торжественно отрекались от Бога, Богородицы, Святых и посвящали себя Сатане. Привожу старинные гравюры XVI века, на которых изображены эти различные эпизоды. Но Сатана шел еще дальше – он крестил вновь обращенного, издеваясь над истинным таинством крещения, и принуждал каждого наступать на крест. Далее все колдуны, вооруженные факелами, образовывали круг и танцевали, повернувшись спиной друг к другу. Ровно в полночь все падали ниц перед своим повелителем. Это была минута наивысшего поклонения. После этого начиналось пиршество. Самая старая колдунья, царица шабаша, садилась рядом с Сатаной, и все собирались вокруг трапезы. Особенно много тут поедалось жаб, трупов, печенок и сердец детей, умерших некрещеными. После пира возобновлялись танцы, причем сам Сатана не прочь был принять в них участие или же исполнять роль оркестра.

Отправление на шабаш

Мария Девин, бедная девушка, сожженная в Валансьене, рассказывала, что она слышала, как Сатана однажды пел комическую песню. Танцы были в высшей степени циничны, и мне приходится всех любопытствующих отослать за сведениями о подробностях к оригинальным авторам, писавшим почти исключительно по-латыни.

Посвящение сатаны

В конце шабаша происходила *черная обедня* Сатана, облаченный в черную ризу, восходил на алтарь и пародировал обедню, повернувшись спиной к Св. Дарохранительнице. Это служило всеобщим посмешищем – в момент возношения Св. Даров он предлагал для поклонения свеклу или крупную красную морковь. После этого толпа вновь принималась плясать до появления зари и пения петухов, тогда все исчезало и присутствующие разлетались, как стая ноч-

ных птиц, спугнутых наступлением дня. На обратном пути колдунья выбрасывала свои мази и яды на жатву своих врагов. Если путь был очень дальний, то Сатана превращал колдунью в какое-нибудь заурядное домашнее животное, чтобы она могла таким образом возвратиться домой незамеченной.

Бал на шабаше

Сообщенные мною факты могли показаться читателю странными и даже смешными — нельзя не изумляться то-

му, что человеческий ум мог дойти до подобных заблуждений, а эпидемическое и заразительное безумие – довести несчастных галлюцинантов до признания себя виновными в тех странных преступлениях, о которых я только что говорил. Но что могло показаться еще более странным, так это приемы, которые использовали суды по отношению к колдуньям. Я бы воздержался от этих подробностей, если бы они не содержали важных с медицинской точки зрения сведений.

Колдовство считалось исключительным преступлением, вот почему к нему не могли быть применены общие юридические следственные инструкции. Булла папы Иннокентия VIII запрещает обвиняемому иметь даже защитника. Иногда судилище, призванное рассмотреть процесс о колдовстве, состояло исключительно из светских лиц. Это часто практиковалось в Валансьене, где было сожжено множество колдуний. В других случаях персонал суда был смешанным и состоял наполовину из духовных, наполовину из светских лиц, обыкновенно же там заседали только духовные лица. Как правило, на колдунью или женщину, обвиняемую в чародействе, поступал донос от ее близких. Они видели, как та бродила ночью, или зашла к соседке, у которой после того внезапно умер ребенок, или заглянула в стойло, в котором вскоре заболела скотина, или же в тот день, когда ее видели стоящей возле лужи, выпал град. Кроме того, они слышали, как она билась дома – ее муж или дети сообщали о припадках, во время которых у нее изо рта шла пена и она из-

вивалась, принимая необычайные положения. Ввиду доноса судьи рассматривали улики, которые были призваны убедить их в виновности лица, на которое он был направлен.

Возвращение с шабаша

Первой уликой служило само имя заподозренной женщины, хотя, по-видимому, трудно поверить в то, чтобы имя обвиняемой могло свидетельствовать против нее. Особенно убедительной уликой, по сообщению судьи Дель-Рио, служили имена вроде Payen (язычник), Sarrazin (сарацин), Bucher

(костер), Verdelet (золотой подорожник) и пр.

Во-вторых, бледность, нечистоплотность, объяснявшаяся частыми превращениями в животных, пол (на одного колдуна приходилась тысяча ведьм), эксцентричная одежда – все это становилось весьма серьезными уликами против злочастных обвиняемых. Суд отдавал приказ арестовать колдунью. Сбиры стерегли ее на углу улицы и набрасывались на жертву сзади, из опасения перед ее плевками и порошками, которые она могла на них бросить, после чего их ждала бы неминуемая гибель. После этого ее вели к судьям и втайне допрашивали.

Я позаимствую у человека, гордившегося тем, что он сжег на своем веку более тысячи ведьм, а именно у Богэ, сведения о судебной процедуре, применявшейся к этим несчастным. Извлекаю несколько статей:

«Не следует строго придерживаться обыкновенных юридических форм против колдуний, простого подозрения достаточно для оправдания ареста. Если обвиняемая опускает глаза или бормочет в сторону, то это – серьезная улика. Не следует разрешать обвиняемой посещение бани: епископ Трирский признает это грехом. Если обвиняемая не сознается, то надо посадить ее в тесную тюрьму. Ее разрешается пытать даже в праздничный день. Если общественное мнение указывает на обвиняемую как на колдунью, то она – действительно колдунья. Сын может давать показания против отца. Преступник, подвергнувшийся наказанию, мо-

жет быть свидетелем по делу о колдовстве. Малолетние тоже могут давать показания. Разногласие в показаниях не должно приниматься за доказательство невиновности обвиняемого, если все свидетели объявляют его колдуном. Он приговаривается к костру, причем колдунов перед сожжением следует душить, а волков-оборотней – сжигать живьем. Приговор может быть справедлив, несмотря на отсутствие доказательств, если человек навлек на себя подозрение».

И я еще пропустил самые блестящие из этих статей!

Как правило, сначала колдунью допрашивали, стараясь доказать ее виновность. Иногда она сразу во всем сознавалась, что объясняется живостью ее галлюцинаций или страхом пытки, а впрочем, к чему могло привести отрицание вины ввиду юридических доводов, как, например следующий? Я заимствую этот факт у Аксенфельда и привожу его дословно:

«Колдунья сознается в том, что вырыла недавно погребенного ребенка и съела его – ее приговаривают к сожжению. Муж осужденной требует проверки факта. Могилу отрыывают и находят труп ребенка в полной неприкосновенности. Но судья и не думает сдаваться перед очевидностью, а, опираясь на признание подсудимой, объявляет, что вырытый труп ребенка есть простая иллюзия, произведенная хитростью демона. Эта женщина была сожжена живьем».

По окончании допроса переходили к испытаниям. В неко-

торых странах, особенно в Германии, как сообщает Бейль, были распространены испытания водой (ордалии): заподозренную женщину бросали в воду, если она погружалась в нее и тонула, то это свидетельствовало о ее невинности; если же она всплывала, то, значит, была колдуньей – и ее сжигали. Как видите, выбор был неутешительный.

Во Франции главным образом прибегали к испытаниям при помощи стилета (небольшого кинжала). Судья, которому ассистировал врач, приказывал разоблачить обвиняемую и завязать ей глаза. Затем, при помощи острого стилета, ей прокалывали кожу во многих местах, пытаясь обнаружить «печать дьявола», т. е. нечувствительное место, которое можно прокалывать, не вызывая ни капли крови. Я сейчас докажу, что его должны были находить почти всегда. Как только такую точку находили, улика была налицо; затем судьи добивались еще признания подсудимой и выдачи ее соучастников и с этой целью прибегали к пытке. Я не имею никакого желания чрезмерно сгущать краски в изображении этих позорных фактов и если, тем не менее, сообщаю об них, то лишь с целью извлечь отсюда ряд аргументов, которые нам понадобятся впоследствии для чисто научных выводов.

Перечень приемов допроса я заимствую у Люиса, долго занимавшегося этой стороной дела, и вместе с тем привожу несколько гравюр, извлеченных мною из *Диалогов о колдовстве*, напечатанных в 1659 году Абрамом Палингом.

«Испанские сапоги»

Само собой разумеется, что пытки были разнообразны. В такого рода изобретательности католическое правосудие могло поспорить лишь с китайским. Самой обыкновенной пыткой в процессах ведьм была пытка «испанским сапогом». Ногу обвиняемой помещали между двумя пилами или досками, которые связывали веревками, а между ногами и досками вколачивали клинья. Сжатая нога в конце концов сплющивалась до такой степени, что из костей выступал мозг. Далее шла дыба. Обвиняемую привязывали руками к веревке,

прикреплен ной к потолку, и прицепляли к ее ногам тяжести. Ее оставляли в таком положении до тех пор, пока она не издавала мучительных воплей. Тогда судья приказывал ей сознаться, а в случае отказа ее подвергали жестокому сечению розгами, причем невольные подергивания, вызванные болью, только усиливали ее страдания. Если обвиняемая и после этого не сознавалась в своей вине, то ее подымали на гирих до потолка и с этой высоты вдруг сбрасывали вниз. Эта процедура повторялась до тех пор, пока пытаемая не сознавалась.

Дыба и сечение

Если дыба не давала результата, то прибегали к «деревянной кобыле». Это было трехгранное бревно с острым верхним углом, на которое верхом сажали обвиняемую. При этом к ее ногам привязывали гири. Острый клин медленно, но верно входил в тело, и при каждом новом отказе сознаться, палач прибавлял тяжесть. Мария Карлье, 13 лет, была подвергнута этой пытке в 1647 году. Пытка продолжалась несколько часов, и приходилось три раза прибавлять гири, чтобы заставить ее сознаться. Она была сожжена живьем. Вследствие ее молодости и чтобы не вызвать жалости в толпе, ее казнили на заре.

Кроме того, употреблялось еще одно средство – так называемый ошейник. Это было не что иное, как железное кольцо, утыканное изнутри гвоздями и прикрепленное к столбу. В него продевали голову обвиняемой, и в то время, как гвозди мало помалу входили в тело несчастной, ноги ее поджаривались на сильном огне. Вследствие боли она совершала произвольные движения и таким образом как бы сама способствовала все большему и большему углублению гвоздей.

В недоумении спрашиваешь себя каким образом такие ужасные муки не вызывали немедленного признания своей вины? Не следует, впрочем, упускать из виду, что это признание немедленно повлекло бы за собой смерть на костре, без всякого снисхождения. Кроме того, многие из этих

несчастных во время пытки ничего не чувствовали, подобно нынешним колдуньям, о которых мы будем говорить далее: они были анестезированы. Иногда, вследствие страшных страданий, они даже впадали в экстаз. Их вдруг посещало видение любимого демона, и тогда они хвастались, что видят его. Он будто бы запрещал им говорить и ободрял их, обещая уничтожить все их страдания: это называлось *молчаливым очарованием*. Иногда колдунья действовала без всяких колебаний – ее страдания были так велики, что она сразу же сознавалась и выдавала соучастников. Понятно, что она указывала на кого попало, утверждая, что он был с ней на шабаше. Все оговоренные лица немедленно арестовывались и предавались суду. Однажды одна обвиняемая под пыткой оговорила жену самого судьи, и та была немедленно арестована.

Пытка «ошейником»

После пытки оглашали приговор над колдуньей. Наказания были различны. Нередко колдунью приговаривали к изгнанию — это бывало в тех случаях, когда доказательства окончательной вины отсутствовали. Иногда — к обезглавливанию, что случалось весьма редко. Встречаются примеры, когда колдуний бросали в чан с кипятком. Больше же частью их сжигали, предварительно удушив или же прямо живьем. В некоторых случаях колдунью жгли на медленном ог-

не, чтобы продлить страдания и сделать их еще более мучительными. Несколько ведьм были приговорены к закапыванию живьем в землю. В Валансьене молодая девушка, 18 лет, была зарыта живой за колдовство. Крики несчастной были столь ужасны, что палачу сделалось дурно и он отказался продолжать «работу». Невозмутимый судья приказал ему закончить дело. Нередко колдунью везли на казнь, привязав ее под низ телеги и волоча по улицам ничком, при этом она постоянно ударялась о камни и покрывалась пылью и грязью.

Луиз обнаружил целый ряд счетов палачей, из которых видно, что в известных случаях им полагалась особая плата за каждую отдельную манипуляцию. Каждый счет непременно завершается требованием двух су за чистку белых перчаток.

Вот правдивая, непреувеличенная картина ужасов колдовства. Чтобы довести до конца свою задачу, я должен разобрать самые известные случаи и показать читателю, в какой степени эта ужасная язва была распространена в Европе триста лет тому назад. История знаменитых колдуний начинается с имени, которое, наверное, поразит всех, так как речь идет о гордости Франции. Жанна д'Арк была приговорена к сожжению французским духовным судом по обвинению в том, что она призвала на помощь Сатану для уничтожения английской армии. Через пять лет после этой трагической смерти разнесся слух, что в местности Во объявилось много колдунов. Их специальностью было людоедство. Они на-

брасывались на новорожденных детей и пожирали их, и как правило начинали с собственных детей. Судья Болинген и инквизитор Эд отправили на тот свет громадное количество этих несчастных – наверно более тысячи. Эти злосчастные безумцы были одержимы такими сильными галлюцинациями, что сами обвиняли себя в отравлении покойников, в том, что варили и съедали их. Молодой крестьянин донес на свою жену, на которой женился всего за несколько дней до этого, и с радостью ухватился за мысль, что она будет сожжена на одном костре вместе с ним. Судьи никогда не требовали доказательств и выносили приговор, основываясь только на признании подсудимого и не обращая внимания даже на то, имели ли они дело с помешанными или с психически здоровыми людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.